

**ЭТНОСПЕЦИФИЧНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ
ЗРИТЕЛЬНОГО (ЦВЕТОВОГО) ВОСПРИЯТИЯ**

Э.А. Салихова

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики
e-mail: salelah12@yandex.ru*

Уфимский государственный авиационный технический университет

В статье рассматриваются межъязыковые особенности идентификации исходного слова со значением зрительного (цветового) восприятия в условиях психолингвистического эксперимента. В ходе исследования дается комментарий отдельным фрагментам, строению и содержанию ассоциативного поля слова с учетом национально-культурных компонентов.

Ключевые слова: *внекодное знание, информемы категоризация, коды, лексикализация, сенсibiliти, спектральные характеристики, чувственного восприятия, этническое сознание, этнокультурное общение.*

Актуальность межкультурных исследований бесспорна. Тем не менее, анализ некоторых публикаций в этой области показывает, что для сопоставления часто берутся те явления, о которых можно судить по уже существующим материалам наблюдений или экспериментальных данных на базе той или иной культуры. При этом ограничивается круг избранных для изучения фактов, а «некоторые важнейшие моменты расхождений в теоретических подходах к организации исследований, результаты которых сопоставляются, не замечаются или попросту игнорируются» [Залевская 2005: 194].

Участники межкультурной коммуникации в процессе общения используют один язык, который для части из них не является родным. Это показывает, что общение принимает характер межъязыкового, что обуславливает осложнение проблематики, поскольку коммуниканты – прежде всего языковые личности, в сознании которых отражены различные фрагменты картин мира (шире – культуры), различно выраженные в их языках. Для них характерны разные когнитивное и культурное пространства, составляющие когнитивную базу. Конечно, обязательным условием в общении является знание кода или «языка как набора разноуровневых единиц и правил оперирования ими» и внекодowych знаний – «знаний, которые выходят за пределы языка и детерминированы определенной культурой» [Гудков 2003: 84].

Психолингвистический эксперимент как метод межъязыковых и межкультурных исследований помогает обнаружить специфику процессов категоризации, идентификации через типичные примеры и признаки, эмоционально-оценочные переживания.

С целью выявления общих закономерностей и специфики в реализации значений слов у носителей русского, белорусского, украинского, болгарского [САС 2004] в сравнении с татарским, башкирским языками в условиях свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ) нами был проведен анализ отдельных единиц лексического наполнения ассоциативных полей (далее – АП), актуализовавших различные лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) значений исходных слов-цветонаименований или полисемантов, вызвавших на вербальном уровне реакцию с обозначением цвета.

АП связано с понятием «ассоциативное значение слова», которое, по утверждению А.А. Залевской, сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры. Такая глубинная модель связей и отношений лежит в основе «когнитивной организации» опыта человека и может быть выявлена через анализ ассоциативных связей слова [Залевская 2005]. Универсальные механизмы и связи, функционирующие на уровне слова / текста, сохраняют свою специфику и на уровне цвета и / или звука (см. подробнее об этом: [Ефименко 2018]). Взгляд от АП как текста на связи в биноме «стимул-реакция» снимает традиционное различие между «парадигматическими» и «синтагматическими» реакциями, позволяет трактовать их как влияние ассоциативного окружения (термин Т.М. Рогожниковой), которое в разное время проходило или проходит в процессе ассоциирования через ассоциативно-вербальную сеть испытуемого. В ответах на стимулы САЭ носитель языка актуализирует известные ему тексты, осуществляя «предикацию стимула» (Ю.Н. Караулов).

Общеизвестно, что цвет влияет не только на способность человека воспринимать действительность во всем его колористическом богатстве, но и на образование имеющих символическое значение систем. Цвет становится центральной категорией как концептуальной, так и языковой картины мира, соотносимой с семиотической и с ценностной картиной мира определенной национальной культуры. Это позволяет говорить о «цветовых предпочтениях», об «этническом цветовом менталитете», о «цветовых лакунах и универсалиях», то есть о «цветовой картине мира» [Мартьянова 2013: 57]. Цвет, предстающий в восприятии человека как неотъемлемая характеристика зрительно воспринимаемых объектов, играет существенную роль в познании действительности. Значит, цветообозначения – это один из важнейших элементов языка, представляющих комплексные категории, многомерные образования.

Безусловно, цвет не существует как самостоятельное выразительное средство, поэтому говорится о символике цвета как носителе определенной идеи, о его «врожденном» метафорическом потенциале. Цвет относится к символическому ядру этнокультуры благодаря своему семиотическому статусу и этнокультурной значимости и емкости. Цветосимвол в национально-культурном значении способен участвовать в межкультурной коммуникации, внося в него добавочный пояснительный элемент, который облегчает понимание. В амбивалентности цвета, по нашему мнению, скрыты его образные вербальные интерпретации, проявляемые в различного рода ассоциациях в условиях САЭ.

Первичность возникновения языка цвета в сравнении с вербальным языком предопределила бóльшую подвижность семантических значений: один и тот же цвет может изменять значение в зависимости от цветоносителя и этнокультурного контекста (достаточно вспомнить изменяющуюся во времени символику красного цвета).

Язык цвета является для людей одновременно и функционально-утилитарной знаковой системой, и художественно-эстетической. Первая преимущественно основывается на психофизиологических особенностях восприятия и реакции на цвет, вторая – на цветовой культуре. В процессе фило- и онтогенеза в этнокультурной традиции сложились неосознаваемые соответствия между отдельными цветами и определенными символическими значениями. При встрече человека с тем или иным цветом происходит спонтанное ассоциирование физиологического ощущения с закрепленным в данной национально-культурной традиции символическим смыслом. По мнению лингвистов, разные символические значения цвета возникли под влиянием совокупности факторов и связаны с историческими событиями и личностями, с теософией христианства, ислама и иных религий, с ритуально-обрядовыми формами народной культуры и пр. [Мартьянова 2013: 59].

В психологии, семиотике и лингвистике цветообозначений (Б.А. Базыма [2005], Ю.В. Дюпина [2013], З.И. Комарова, М.Б. Талапина [2011], С.В. Корсаков [2009], Н.А. Мартьянова 2013] и др.) считается, что цвет не только эмоционально окрашивает восприятие, но и непосредственно связан со сверхчувственным восприятием. Изменчивые цвета – сфера бессознательного, связанная с несоизмеримо более высокими, по сравнению с обыденными, скоростями обработки информации. Выходя на уровень сознания, смысл слова или звука фиксируется в цвете, становится атрибутом эмоциональной оценки, раскрываются специфические особенности восприятия цвета и его воспроизведения в конкретной – цветовой, цветозвуковой – смысловой интерпретации.

Механизм восприятия формирует в мозге зрительный образ, который всегда подвергается интерпретации, с тем чтобы создать некий продукт, который может выполнять коммуникативную функцию: у участника ассоциативного эксперимента это, как правило, логическая интерпретация в виде слов, чисел, символов и пр. Язык художественной интерпретации, скорее всего, складывается из таких составляющих, как композиция, колорит, изобразительная техника, стиль и др. Цвет становится выразительным только в содружестве с остальными, т.е. в их системе. Подобная совокупность находящихся друг с другом в соотношениях цветов, наделенных определенным смыслом, образует чувственно воспринимаемый строй, способный выразить смысл данной единицы.

Нами отмечалось, что транслируемая или обозначаемая цветом вербальная информация воспринимается человеком на уровне подсознания. В передаваемых цветом ощущениях скрыты ассоциации, заложенные в нашем подсознании почти на генетическом уровне. Затем следуют более тонкие слои личных ассоциаций и цветовых воспоминаний. Выходя на «табло сознания» (термин А.А. Залевской), цвет фиксируется, становится атрибутом смысловой интерпретации, переходит в качество памяти о других сферах бытия. Психологическая структура цветового значения слова не является константой: «Это динамически развивающаяся субстанция, направления изменений которой возможно установить экспериментальным путем» [Ефименко 2018]. В сфере цветолексем это проявляется в наращивании значений. Наличие большого объема информации в семантике цветоименований предопределяет вероятность их использования во вторичной номинации.

Полученные данные позволяют увидеть различия в ассоциативных связях слов, которые обусловлены рядом факторов. Обнаруживаемые в материалах психолингвистических экспериментов при сопоставлении языков различия лексикализации вкусовых, зрительных (цветовых), слуховых, обонятельных и пр. «информем чувственного восприятия» – сенсibiliй [Корнилов 2003: 179] – иллюстрируют то, что при формировании лингвистических категорий главными являются и перцептивно-физиологические факторы, и особенности работы коллективного этнического сознания по категоризации чувственно воспринятой информации. Отметим немаловажные для характеристики отдельных фрагментов АП исходных слов факты.

Наиболее распространенным и часто употребляемым цветом у русских респондентов является *красный* (встретился в качестве реакции на разные стимулы (S) – ЦВЕТ, ЦВЕТОК, ЗЕЛЕНый). Вторым по употребляемости является *белый* цвет (встретился в качестве реакции на стимулы ЦВЕТ, СВЕТЛый). Они практически равноправны в русском языковом сознании и связаны между собой, т.к. на S-БЕЛый в

«Русском ассоциативном словаре» [1994–1998] КРАСНЫЙ в качестве реакции встречается 7 раз. Уместно было бы вспомнить, что сочетание этих двух цветов – именно как «белое – красное» – распространено в русской княжеской геральдике, национальных костюмах (А. Дугин). Для сравнения: в САС [2004: 122–123] на исходное ЗЕЛЕНый по признаку частотности находим: у болгар – *червен, син, черен, бял*; у украинцев – *синий, червоний, білий*; у белорусов – *жоўты, чырвоны, красны, белы*. Присутствие красного и белого цветов в числе первых по частотности реакций показывает некоторое сходство в характеристике колористической компоненты в образе мира представителей славянской группы участников эксперимента, что не предполагает их полного совпадения. Например, в русской цветовой культуре белый противопоставлен черному и красному. Он обобщенно представляет ряд светлых тонов и большую цветовую интенсивность; нейтрален, обозначает отсутствие цвета и может быть превращен в любой цвет и получить любое толкование. Красное противопоставляется белому как «окрашенное», «темное». С одной стороны, красный цвет – это цвет солнца, жизни и радости, плодородия, здоровья и силы, любви, эмоций; жизнотворная сила, по поверьям древних, служит оберегом от сглаза, колдовства и обладает целительной силой, отпугивает злых духов, демонов и другую нечисть (см., например, такие ассоциации в [РАС: 3: 80; САС 2004: 132]: *свет, красивый, ласковый, бог, богатырь, солнце, яркий, шар; любимый, кумач, любовь, жизнь*). С другой стороны, это цвет демонических персонажей, потустороннего мира, знак опасности, привлечения внимания, вражды, агрессивности, символ греха и позора [Корсаков 2009: 145, 149]. Кроме уже обозначенных респонденты дали ответы *как кровь, кровавый, огонь, от стыда; факел, возбуждающий, нервный, опасность, стоп, плохо, стыдно*.

В тюркской цветовой культуре, восходящей к исламу, белому цвету отведено почетное место, поскольку сам Аллах – «свет небес и земли». Хотя ангелы его одеты в зеленое, верные ему люди и сам пророк Магомет носят белые тюрбаны. Все цвета первичной триады «красный-белый-черный» имеют символический и магический смысл, обладают противоречивыми значениями в различных религиях и культурах. Если в западно-европейских странах сакрализуют эту триаду, то на Востоке предпочитают триаду «зеленый-белый-черный», цвета которой являются священными. Красный цвет связан с эмоциями, сильными личностями, любовью. Среди казанских татар, особенно среди людей пожилого возраста, к нему относились с определенной настороженностью и отдавали предпочтение бордовым, коричневым цветам.

Можно говорить о некотором интересубъектном сходстве ассоциаций, что позволяет предположить существование универсальных семантических значений. Сопоставление ассоциативных значений с

приводимыми в словарях описаниями основных цветов дает возможность выявить пересекающиеся и совпадающие значения. Это свидетельствует о частичном совпадении системности образа мира, что естественно восходит истоками к общности истории, вероисповедания, происхождения народов.

Если же учитывать специфику стимульного материала при классификации реакций на основе особенностей коммуникативной тактики (Ю.Н. Караулов) и стратегии ассоциативного поведения испытуемых (А.Р. Лурия), семантики исходных цветовых прилагательных и цветов (О.В. Сафуанова), как это было сделано в экспериментах Е.А. Горошко [2000], то можно обнаружить отдельные, заслуживающие внимания в рассматриваемом контексте, факты. Так, по данным исследователя, самая большая степень ассоциативной направленности слова у мужчин была зафиксирована у прилагательного *красный*, а у женщин – у прилагательного *белый*. Сопоставительный по гендерному критерию анализ АП цветов и цветоименований показал, что в «целом структура ассоциаций на цвета и цветоименования однотипна, но все же существуют и определенные статистически значимые различия» [Горошко 2000]. Несмотря на возникшую по отдельным параметрам противоречивость результатов, полагаем, что ассоциации, актуализируемые в ответ на названия цветов, «в большей мере связаны с культурно и национально обусловленными значениями» [Сафуанова 1994: 90].

Для башкиро- и татароязычных испытуемых на те же исходные слова наиболее частыми ответами были *красный, зеленый, желтый*, реже – *синий, голубой* [Ассоциативный словарь... 2016: 83; Галерея... 2009: 330, 333, 339, 348, 354; Салихова 2015: 370, 375, 368, 383, 384, 386, 389, 390, 391, 394]. В тюркских языках последним двум соответствует одно слово *зэнгэр*, что свидетельствует о том, что в окружающем мире много разных референтов, используемых языками в качестве цветовых прототипов. Отбор тем или иным языковым сознанием на роль прототипа, специфические черты самого референта предопределяют, на наш взгляд, расхождения национальных цветообозначений на уровне фокусов, в некотором «диапазоне знаковости» (термин Ю.С. Степанова – цит. по [Горелов 1987: 42]). Так, несовпадение фокусов русских *синий* и *голубой*, татарского, башкирского *синий (зэнгэр)* объясняется, по нашему мнению, именно тем, что прототипическое русское небо скорее светлое, чем синее.

Выявлены случаи множественной референциальной соотнесенности, что для представителей других языков и культур может представить трудности. Например, лексикографическая интерпретация татарского *кук* упрощенная: I. 1. небо, небесный; II 1. синий; 2. сивый (о масти лошади); ежевичный; зеленый чай; голубика [Татарско-русский

словарь 1995]. И дело даже не в том, что этой лексемой можно называть и то, что в других языках обозначается другим словом (в близкородственном башкирском – *кук* (небо); тайском – *faa*, китайском – *qīngtiān* и др.), а в том, что фокус его находится в голубой части спектра, и точками референциальной соотнесенности являются сразу три референта: флора, фауна, небо.

Множественность референциальной соотнесенности татарского и башкирского *зеленый* (*яшел* / *йэшел*) подтверждается фактом его вхождения в качестве словообразовательного или дополнительного лексического компонента в целый ряд обозначений: *яшел* – «зеленый цвет», *яшел азык* «зеленый корм», *яшел борчак* – «зеленый горошек», *яшел улэн* – «зелень», *яшел тавыш* – «визгливый голос», *яшелбаш* – «зеленоголовка (сорт моркови)», *яшел-зэнгэр* – «лазоревый, цвет морской волны», *яшелчэ* – «овощ(и)», *яшелчэлек* – «огород», *яшел чэчелек* – «овощевод» (татарск.); *йэшел* – «зеленая трава», *йэшел буяу* – «зеленая краска», *йэшел агастар* – «зеленые насаждения», *бешимэгэн алмалар* – «незрелые / неспелые яблоки», *асык юл* – «зеленая улица» (башк.). Такая неопределенность концепта, наверное, ничуть не мешает носителям тюркского языкового сознания находиться в полном соответствии с национальной логикой обозначения цветов.

Специалистами в области изучения спектральных характеристик основных цветов установлено, что существует одиннадцать базовых цветовых категорий и наличествует фиксированный порядок их кодирования по мере развития: наименьшее число цветообозначений – два (чёрный – белый), третий цвет – красный, дальнейшее увеличение происходит в таком порядке – зелёный, жёлтый, голубой, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый (Б. Берлин, П. Кэй).

В ответах-цветонаименованиях в условиях эксперимента могут отражаться спектральные характеристики, связанные с образом объекта или явления, который называется словом-стимулом, и специфичные для каждой этнолингвокультуры. Например, русско- и тюркоязычные информанты представили спектральные ассоциаты на стимул ЗЕЛЁНЫЙ – *доллар, деньги, зелень*; КРАСНЫЙ спровоцировал появление таких ответов, присущих людям с общей историей, как *революция, Советский Союз, советский, флаг, октябрь, знамя*. Семантическое расширение прилагательного цвета может проявляться в увеличении его валентности, как это произошло с цветообозначением *зеленый* в отношении значения «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между желтым и голубым», относящегося к цвету банкноты американской валюты.

Колоремно окрашенные реакции рассматриваются нами как имеющие либо индивидуальный, либо этнокультурный характер.

Причем отмечается, что синхронически каждый историко-культурный тип – конгломерат следов различных лингвокультур (славянских или тюркских). Сравнение же различных типов позволит со временем построить типологию моделей состояния историко-культурной зоны, неразрывно связанного с ареалом (А.С. Герд). На семиотическом и семантическом уровнях происходит как усвоение выработанной в обществе универсальной цветовой символики, так и обобщение собственного уникального опыта, выработка «значений для себя». Наше положение подтверждают экспериментальные выводы О.В. Сафуановой, которая ставила задачу реконструировать цвет по набору наиболее частотных эмоционально-смысловых ассоциаций на цветовой образец. Оказывается, возможно решать перцептивную задачу опознания цветковых образцов и установить связь между модально-неспецифическими ассоциациями и психофизическими свойствами цвета с опорой лишь на содержание семантических значений [Сафуанова 1994: 108–109]. Проведенное исследование показало сформированность у реципиентов инвариантных представлений о цветах на семантическом уровне.

В литературе, посвященной изучению цветообозначений, встречается понятие референциальной рамки, которая служит основанием для национально-специфической концептуализации семантического поля определенного цвета в языке. Компонентами выделенной единицы могут служить социально значимые для носителей языка объекты реального мира – элементы окружающей природы: земля, вода, небо, растения и т.п. Иногда выбор объекта, который становится точкой референциальной соотнесенности, может показаться необычным с точки зрения других языковых сообществ. В частности, для большинства языков белый цвет соотносится с молоком или снегом. В башкирском и татарском языках есть прилагательное с экзотической внутренней формой – *акбуз* (о масти лошади), которому двуязычные словари приводят в качестве соответствия русское *бело-сивый* (сравним китайское *yúndùbái* – «рыбье брюшко», белый [Корнилов 2003: 174]).

Экспериментальные данные, а также исследования по изучению «цветового наполнения» звуковой формы языкового знака подтверждают динамическую природу ассоциативного наполнения ряда звукобукв, в частности, русского, башкирского, татарского языков. Рассматривалась идея особой организации звуковой ткани языка, соответствия семантических признаков звуков и их цветонаполнений. При проведении диахронического анализа исследователями зарегистрирована статичность этих связей в синхроническом срезе. В ходе исследования было установлено полное соответствие анализируемых звукобукв и приписанных им ассоциаций-цветов, что позволило сделать вывод о том, что звуковая ткань языка вызывает в подсознании впечатления, подобные

впечатлениям от восприятия цвета [Ефименко 2018; Rogoznikova, Efimenko 2018]. Визуализация цветозвуковой ткани указанных языков отражает всю палитру ассоциативных цветов, существующих в ментальном лексиконе носителя языка и характеризующихся национально-культурной спецификой. Показана та внутренняя форма, цветовое овнешнение которой материализовало следующее: ассоциативная цветность звукобукв русского языка богата синим цветом и его оттенками; психологическая цветность звукобукв башкирского языка изобилует фиолетовым, а цветность звуков татарского языка – изумрудным [Ассоциативный словарь... 2016: 28–29].

Вероятно, даже эти немногочисленные примеры свидетельствуют о существовании национальной специфики цветолексемной ассоциативности. Перечисленные цвета составляют, по Р.М. Фрумкиной, некоторый базовый набор цветообозначений, поскольку их смысл известен всем участникам эксперимента. Однако предпочтения того или иного цвета носителями разнотипных языков указывают на так называемые «основные цвета», выполняющие роль «кристаллизующих центров» при классификации прочих имен цветов. Иначе говоря, мы наблюдаем в «действии» традицию, согласно которой определенные цвета в славянском и тюркском культурном обиходе мы называем «базовыми» и «основными». Приведенные примеры можно рассматривать как национально-специфичные ответы на вопрос об отражении в лексике языка разного рода чувственных восприятий.

Как известно, в этнокультуре не только вербальный язык обогащал выразительность визуальных практик, но и свойства зримого образа способны были наделять слово особой символической глубиной и метафизичностью. Характер взаимоотношений вербального и визуального, взятый в аспекте микроанализа, позволяет проследить тонкие и во многом контекстуальные не прямые связи между исходным вербальным стимулом и цветообозначением. По-видимому, цветовая интерпретация функционирует как колористический код вербального образа.

Библиографический список

Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков / под общ. ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: УГАТУ, 2016. 364 с.

Базыма Б.А. Психология цвета. Теория и практика. СПб.: Речь, 2005. 208 с.

Галерея ассоциативных портретов: монография / под ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: УГАТУ, 2009. 448 с.

Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Таллин: Валгус, 1987. 190 с.

Горошко Е.А. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира: сборник статей. М.: ИЯ РАН, 2000. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/0-1.html (дата обращения: 28.10.2019).

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Дюпина Ю.В. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 220–221.

Ефименко Н.В. Цветовая матрица звукобукв русского языка: количественный и качественный анализ экспериментальных данных [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. №1 (28). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/028-003_MguK5bX.pdf (дата обращения: 28.10.2019).

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография. Екатеринбург: УрГУ, 2011. 220 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Корсаков С.В. Этноколористика. М., 2009. 165 с.

Мартьянова Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 56–66.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 6 тт. М.: Помовский и партнеры, ИЯ РАН, 1994–1998.

Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме: монография. М.: Наука-Флинта, 2015. 498 с.

Сафуанова О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 146 с.

САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: МГЛУ, ИЯ РАН, 2004. 792 с.

Татарско-русский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство, 1995. 462 с.

Rogoznikova T.M., Efimenko N.V. Suggestive status of the verbal model and its associative colority [Электронный ресурс] // Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities», 2018. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147> (дата обращения: 28.10.2019).